

*Светлой памяти моего друга.
Здесь ты жив, и всегда будешь жив, Женька.*

1

— Игорь, ну скоро?

Она очень юная, очень хорошенькая и очень пустенькая. В блестящих узких брючках, красной кофточке, с волнистыми золотистыми волосами, причем и волны, и золото — все искусственное, а вот молодость... Ей и двадцати нет, и тут уж без подделки. Капризно надутые губы, здоровенный телефон, в который она постоянно пялится, вытягивая губы уточкой, а когда говорит, то намеренно слегка шепелявит — возможно, ей кажется, что это мило.

— Киса, подожди еще немного. Хочешь, в кафе посидим? Там есть мороженое.

Ему тоже кажется, что шепелявит она мило.

Вика презрительно поморщилась и нырнула за машину, поправив бейсболку — козырек полностью скрыл ее лицо.

— Придорожная забегаловка с оригинальным названием «У Алены». Ты меня еще в ларек поведи, шаурму есть. Лучше поторопи их, чего они возьмется.

Он не изменился. Все та же гордо посаженная голова с профилем античной статуи, все те же светлые волнистые волосы — длинные, до плеч, собранные в пучок пижонским кожаным шнурком, а Вика точ-

но знает, что под шнурком обычная резинка. Все те же синие миндалевидные глаза и четко прорисованная линия губ... Когда все стояли на раздаче в очереди кто за чем, этот парень успел три раза постоять за красотой, и три раза ему отсыпали сверх меры. И его сорок два года совершенно не очевидны.

— Девушка, вы долго еще?

Вика наклонилась совсем низко к переднему бамперу и полировала его ветошкой, делая вид, что спрашивают не ее.

— Девушка, я к вам обращаюсь!

— Чего вы орете, мужчина? — Из комнаты кассира выглянула Лидия Васильевна, кассирша. — Уже заканчивает, не видите, что ли? Идите в кассу и рассчитайтесь, вместо того чтобы кричать. Что за народ, им стараешься как лучше, а они только орать горазды. Быстрее вам никто не сделает, нешто не знаете.

Вика рада, что он не узнал ее. А вот машина узнала. Открыв дверцу водителя, Вика принялась вытирать руль. В машине пахнет совсем не так, как когда-то.

— Девочка моя.

Вика погладила руль, понимая, что ведет себя глупо — но это она, ее родная машинка.

Теперь в ней ездит какая-то капризная «киса» и этот.

Вика давно уже не называла его по имени, даже в мыслях — просто «этот». Потому что никакого названия данному индивиду придумать просто не могла, а потом стало уже все равно, и вот теперь снова всколыхнулось, потому что вот он — этот, с какой-то зарисованной «кисой», на ее машине.

Вика нежно погладила руль и захлопнула дверь. Это уже не ее машина, не ее жизнь, все двери перед ней закрыты. Остались только вот эта экспресс-мойка и куча тряпок разного калибра.

— Смотри, смотри же, сколько малины! В лукошках! А лукошки тоже продаются? Купи мне, я хочу малины!

— Малина не продается. — Лидия Васильевна отгеснила «кису» от столика с ягодами. — Это мне родственница привезла, буду идти домой — заберу.

— Да ладно вам, продайте лукошко — я хорошо заплачу.

Он тянется в карман за деньгами, а Лидия Васильевна темнее тучи.

— Сказано — не продается! Или вы, господин хороший, слов не понимаете? Помыли вам машинку — езжайте с богом, капризы вашей дочки мне здесь ни к чему, дома пусть капризничает. Распустили детей, а ведь девка-то не маленькая, и все туда же — хочу, и все. Она у вас, случайно, на пол не падает ногами дрыгать, если не получает того, чего хочет?

Вика хохочет, спрятавшись в чулан с ведрами. Ай да Лидия Васильевна, вот ведь нашла чем уесть — ему такие слова как серпом по яйцам, особенно сейчас, когда он сделал себе первую подтяжку — уж она-то это хорошо видит.

И он всегда любил девочек помоложе, но эта «киса» совсем уж на грани уголовной статьи.

Он поспешно влез в машину и уехал, забрав с собой «кису». На ее машине.

— Вика!

Именно сегодня из всего персонала на работе только она. Ванька после вчерашнего никакой,

остальные тоже — «после вчерашнего», и Лидия Васильевна прогнала их, чтоб не позорили заведение. Что им скажет Юрка, хозяин мойки, Вике безразлично — она ни рук, ни ног не чувствует, помыв за пару часов десяток машин.

Вика сбросила резиновые сапоги и подставила ноги солнцу. Несмотря на то что обувь водонепроницаемая, вода попадает внутрь, и к обеду ноги словно в луже, которая плещется в сапогах. И нужно время от времени сушить и сапоги, и ступни.

— Вик, а ведь я его не сразу признала.

Вика молчит. Разговаривать об «этом» она не хочет принципиально. Она-то его сразу узнала, а вот он ее — нет, а значит, она изменилась настолько, что даже хорошо знакомый человек не признал. Впрочем, лица ее он не видел, голоса не слышал — а все ж.

— Я его, паразита, потом уж признала — наглость-то какова, на твоей машине малолетнюю стервь катает, бесстыжий мужик!

Вика молчит, греясь на солнце, и думает о том, что осенью она сможет уйти отсюда.

Вот только георгины пристроит.

Лето достигло своего пика.

* * *

Назаров торопился, а когда он торопился, то всегда нервничал.

Впереди были выходные, которые он планировал провести в свое удовольствие, а тут как на грех — задержка с передовицей, потом подвел художник, и рекламодатели вдруг заартачились, и по-

ка Назаров все это разгребал, прошел день. Уже шестой час, и пора бы закругляться — ведь пятница же, и футбол сегодня, но дел еще полно.

— Здравствуй, Евгений Александрович.

Этот человек всегда ходит тихо, как индеец, — но на индейца был совсем не похож. Небольшого роста, поджарый и очень загорелый — явно загорал не здесь, и что его привело сюда, неизвестно. И лучше бы он не приходил, но очень сложно предложить не приходиться в здание человеку, которому это здание принадлежит.

— Здравствуйте, Николай Андреевич.

Назаров вышел из-за стола и пожал протянутую руку, этикет соблюден. Гость сел в кресло для посетителей и огляделся.

— Смотрю, ты совсем освоился. Не жалеешь, что вернулся?

— Нет, жалеть не о чем. — Назаров пожал плечами. — Писать я могу где угодно, а вот жить мне удобнее здесь. По семейным обстоятельствам в том числе.

— Думаешь, твоя бывшая тебя здесь не достанет? — Гость захохотал. — Я вчера вернулся с Кипра, заехал в Париж, Ира хотела побродить по бутикам. На улице купил газету, на первой странице твоя благоверная, снова в центре внимания: устроила дебош в ресторане. В общем, жизнь ее, похоже, бьет ключом.

— Ага, и почему-то всегда по голове. — Назаров старался не злиться, ведь он дал себе слово не реагировать на упоминания о его неудачном браке. — Я здесь, потому что бабушка болеет и нужно быть рядом.

— Нанял бы кого-нибудь.

— Когда она растила меня, то никого не нанимала. — Назаров знал, что гость специально дразнит его, и сердился. — Бабушка для меня самый близкий человек, и у нее тоже, кроме меня, никого нет. А мое вдохновение не зависит от страны пребывания.

— Да, читал твою последнюю книгу. Читиво это не по мне, но я хотел кое-что понять.

— И поняли?

— Понял, что безнадежно устарел. — Гость рассмехался. — Ладно, все это притяжка — а сказка будет впереди. Я чего к тебе пришел-то, Женя. Я знаю, что Виктория вышла.

Назаров меньше всего ожидал подобного разговора. Он было решил, что гость пришел к нему по поводу редакционной политики относительно освещения городских новостей, где Назаров не щадил никого, тем самым за короткий срок снискав огромную популярность среди читателей и ворох претензий от чинуш самых разных рангов. А ведь скоро выборы, и Назаров точно знает, что его гость финансирует предвыборные кампании нескольких кандидатов. И вдруг — разговор о Вике. Он даже сам с собой это не обсуждал, а тут...

— Да, вышла еще зимой. Живет в Привольном, в старом доме ее бабки.

— Теперь ясно, магнит какого рода держит тебя там. — Гость жестом приказал Назарову молчать. — Я все ждал, когда же она ко мне придет, но не дождался. Ехать к ней я не могу, но ты уж, будь добр, сообщи мне, если понадобится помощь. Конечно, телевидение для нее закрыто, но я что-нибудь придумаю. Не хотел бы, чтобы она ставила на себе крест.

— Я тоже этого не хотел бы, и...

В дверь заглянула секретарша.

— Евгений Александрович, звонит ваша жена.

Секретарша никак не может усвоить, что жена бывшая — впрочем, Анна кого угодно умеет заставить делать то, что ей нужно, а потому Назаров просто не отвечает на ее звонки, и Анна звонит в приемную, а секретарша вынуждена докладывать о звонке. Противостоять Анне очень сложно. Настолько сложно, что секретарша рискнула прервать его разговор с этим человеком.

— Я возьму.

Конечно, секретарша не виновата, она сделала все, что могла.

— Извините, Николай Андреевич, это недолго, иначе она не даст нам поговорить.

— Конечно.

Назаров предпочел бы говорить с бывшей женой без свидетелей, потому что никому не надо знать, что он бесхребетный дурак, но спровадить человека, владеющего креслом, на котором он сам сидит, и кабинетом, и даже телефонным аппаратом... в общем, это плохая идея.

— Же-е-е-ень!

Голос Анны, тягучий и сладкий, и такой же обманчивый, как ее внешность Белоснежки. Когда-то и он обманулся, но это в прошлом. Правда, Анна так не считает.

— Анна, я занят.

Он понимает, что проиграл в тот момент, как только взял трубку — но оставлять секретаршу на растерзание бывшей жене было нечестно и малодушно. И потому он вынужден сейчас выставить се-

бя тряпкой в глазах человека, которого он... ну, да, уважает — несмотря на его одиозную репутацию. Но у Анны есть свойство: она умеет заставить любого делать то, что хочет она.

— Женя, я завтра буду в городе, давай встретимся?

Назаров тупо уставился на кипу статей у себя на столе, на миг даже забыв о человеке в кресле посетителя. Какого-то черта Анна прилетит из Парижа в Александровск? Зачем хочет с ним встретиться?

— Посидим в милом смешном кафе «Маленький Париж», ты мне закажешь какао и их фирменный торт, а я куплю каких-то новых стеклянных фигурок... Жень, ты чего молчишь?

Назаров понимал, что это ловушка: и голос, тяжелый и гладкий, как жидкое золото, и невинные планы насчет кафе и стеклянных фигурок... Но как сказать, что ему все это не нужно? А самое главное — как сделать, чтобы Анна осталась где-то там, в Париже, демонстрировать моды и позировать фотографам, а не вваливалась снова и снова в его уже налаженную жизнь?

— Же-е-енечка!

Она знала, что он не устоит — конечно же, попретсся с ней в это кафе, а потом... Да бог знает, что Анне взбредет в голову, учитывая, что она всегда под кайфом. А закончится все скандалом и полицией, и его, Назарова, испорченными нервами и подорванной репутацией. Потому что ни о ком, кроме себя, Анна думать не умеет. Она вообще не умеет думать, похоже. А если в Париже она сейчас в центре нового скандала, стоит ожидать, что за ней потянутся папарацци, и Назаров тоже может

оказаться героем скандального репортажа, а учитывая, что неделю назад парижское издательство выпустило в продажу его книгу... Конечно, Анна все просчитала.

Назаров уставился в первую попавшуюся статью — из тех, что еще ждали его одобрения. Их много, а в номер нужно отобрать всего три.

«Бизнесмен и меценат Николай Ладыжников на открытии бассейна». Ну, этого «мецената» Назаров отлично знает, его второе имя — Коля-Паук, и весь рэкет, все незаконные операции и уголовщина происходят под его патронатом, так что никаких статей о его меценатстве он не пропустит. Несмотря на то что меценат сидит сейчас в его кабинете, полирует задницей кресло для посетителей и заинтересованно слушает его разговор с Анной.

И вот это тоже не годится — эка невидаль, беременная школьница из многодетной семьи, и...

Что?!

«Виктория Станишевская вышла из тюрьмы!»

Заголовок прост и понятен, и как раз этой понятностью и простотой автор и заинтересует аудиторию. Фотографии Вики — босиком, в кепке с козырьком, она из шланга моет бока большого внедорожника.

«Убийца вышла на свободу! Приговоренная к семи годам тюрьмы за убийство собственной сестры Виктория не отбыла в колонии и половины срока, выйдя на свободу, — но чиста ли ее совесть? Кровь на руках не смыть никакими средствами, и убитую не вернешь. И я думаю, что три года — это слишком мало. Назовите меня мстительным, но как так получилось, что убийца на свободе?»

Она прячется от всех в одном из пригородных сел — там у нее, как оказалось, есть собственный дом. И она живет, наслаждается каждым днем — а ее жертва...»

Назаров вдруг ощутил ту абсолютную ясность, которая бывает у него только тогда, когда он достигает точки абсолютной ярости.

— Же-е-е-ень!

Это Анна, она до сих пор на проводе, и ее фальшивый голос, подогретый кокаином, звучит неуместно и глупо.

— Анна, ты можешь ездить, куда тебе вздумается, но с чего ты взяла, что я хочу с тобой встречаться?

«В ее дворике полно цветов, она плетет корзины и продает на трассе ягоды и травы — в промежутках между мытьем машин, и уже никогда не вернется ни на телевидение, ни в светское общество, но достаточно ли этого? Почему кто-то счел возможным выпустить на свободу жестокую убийцу, когда...»

— Жень, ты что?

— Ничего. — Назаров понимал, что Анна не виновата в его ярости, но теперь уж получит и она. Чтоб два раза не вставать. — Прекрати мне звонить! Прекрати пытаться мною манипулировать, мы развелись год назад, прими это и не беспокой меня. У меня другая жизнь, другая работа и другая женщина, или ты своим прокисшим от кокса мозгом не в состоянии этого осознать?

— Жень... Ну ты чего?

Теперь она включила сценарий «потерявшаяся сиротка». Назаров знал все ее уловки и, несмотря на это, постоянно велся на них, но не сейчас, когда он так зол.

— Я — ничего. Просто перестань мне звонить, присылать письма и третировать мой персонал. Не надо приезжать, чтобы со мной встретиться, я не хочу с тобой встречаться, и у меня есть с кем посещать кафе, ясно? Анна, тебе нужно лечь в клинику и полечиться, а потом...

— Женя, мне очень нужна помощь! — Анна зарыдала очень натурально. — Женечка, только ты настоящий, и только ты...

— Только я вижу тебя насквозь.

«Виктория Станишевская заплатила долги обществу? Я так не считаю, и родители ее жертвы тоже так не считают. Мать убитой Дарины Станишевской возмущена...»

— Жень, ты не понимаешь! Я сегодня стояла на крыше и думала прыгнуть вниз! И только мысли о тебе...

— Так надо было прыгать, Анна. — Назаров цедил слова сквозь зубы, изо всех сил стараясь держаться в рамках приличий. — Надо было взять и прыгнуть, вместо того чтобы доставать меня и лить водопады соплей по себе любимой, потому что единственная твоя проблема — настоящая проблема, а не выдуманная — это кокаин. И ты уж, будь добра, с этой проблемой разбирайся сама, я пас.

— И тебе все равно, что я покончу с собой?

— Да. — Назаров вдруг понял, что ему и правда это безразлично. В обычное время он бы почувствовал себя бессердечной скотиной, но не сейчас. — Но знаешь, что будет на самом деле? Сейчас ты наешь-ся каких-то практически безвредных таблеток, а через десять минут придет массажистка и обнаружит тебя около пустого пузырька, ты притворишься